

руют эпистолярный стиль и его исповедальность. К тому же сама форма письма отсылает к целому ряду предшественников поэта - «агитатора, горлана, главаря».

Обнажая свое сердце и душу перед любимой и читателем, выказывая неповторимость собственного чувства (неявно сталкивая свое и чужое), поэт использует «авангардные», собственно авторские метафоры: *сердце в железе, не влезет сломанная дрожью рука в рукав, тело в улицу брошу* и др. В роли одержимого любовью безумца («дикий,/ обезумлюсь,/ отчаянием иссечась») предстаёт лирический герой. Однако в воплощении интимного переживания, непохожего на любовь других, поэт не может избежать общих характеристик универсального понятия любви. Появляются узнаваемые любимой женщиной и читателем детали: *впервые руки твои ... гладил; кроме любви твоей, мне, нету солнца...; тебя короновал* и др. Этим, фактически, обеспечивается понимание самое себя другим, ибо, как верно подмечено, «...некая экспликация общего «смысла», «содержания», «идеи», заключенных в образе, есть неизбежное условие диалога с автором произведения, в который вступает каждый его читатель, слушатель, зритель» [4, с. 32].

Казалось бы, грубоватым, эпатажным является аллегорическое сравнение влюблённого лирического героя с уморённым трудом быком и уставшим слоном. Броское введение в лирическое стихотворение этих образов у гениального Маяковского полисеманлично, подкреплено контекстуальным содержанием, что значительно усиливает смысловую целостность и насыщенность произведения. Метафора любви как тяжёлой работы довольна традиционна. А слон – символ не только яростной, разрушительной мощи, но и нежной, любящей силы. «Средневековые поверья, что слон воздерживается от полового акта в течение длительного периода беременности своей самки, сделали его в Европе символом целомудрия, преданности и любви» [5, с. 900].

Образ любви в стихотворении «Лиличка!» подтверждает еще одну мысль М. М. Бахтина, который, подчёркивая важность диалога для сознания и выявления психических и психологических закономерностей, отметил, что «в отношении к человеку любовь, ненависть, жalousь, умиление и вообще всякие эмоции всегда в той или иной степени диалогичны» [2, с. 483].

Таким образом, мы можем констатировать диалогичность лирического слова-образа как устойчивую сущностную характеристику лирического слова, методология исследования которого заложена в бахтинской концепции диалогизма литературы, согласно которой диалоговая передача информации в слове и образе осуществляется при реконструкции контекстуальных смысловых напластываний и их синтеза в едином целом произведения.

Литература

- 1 Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. - М. : Худ. лит. 1975. – 504 с.
- 2 Благой, Д. Д. Творческий путь Пушкина / Д. Д. Благой. - М., Советский писатель, 1967. - 724 с.
- 3 Маяковский, В. В. Как делать стихи? / В. В. Маяковский. // Сочинения в 2 томах, Т.2., Сост. Ал. Михайлов. – М.: Правда, 1988. - 768 с.
- 3 Введение в литературоведение: Учеб. пос. / Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, А.Я. Эсалнек и др.; под ред. Л.В. Чернец. – 2-е изд. перер. И доп.. – М.: Высш. шк., 2006. 680 с.
- 4 Энциклопедия символов / сост. В.М. Рошаев. – М. : АСТ; С.-Пб.: Сова, 2007. – 1007 с.

УДК 165.74

В. А. Одиноченко

Проблема христианского гуманизма в «Послании к Римлянам» К. Барта

В статье анализируется трактовка гуманизма в наиболее известной работе крупнейшего протестантского теолога XX в. Карла Барта. Основная ее идея – критика того понимания христианства как высшего выражения развития человеческого духа, которое было предложена в рамках либеральной теологии. Гуманизм Барта основывается на том, что он рассматривает человека через его соотношение с Богом как «абсолютно Иным».

Карл Барт (1886-1968) принадлежал к протестантской церкви. Он является одним из крупнейших христианских теологов XX века. Это признают и представители других конфессий. Папа Пий XII отозвался о нем как о втором догматическом богослове после Фомы Аквинского. Для протестантской же теологии XX века Барт – переломная фигура. Здесь мы можем говорить о теологии «до Барта» и «после Барта». В протестантстве Барта ставят в один ряд с Лютером и Кальвином, а его «Послание к Римлянам» (первая редакция – 1918 г., вторая – 1922) называют важнейшим богословским трудом XX века.

В этой работе Барт исходил из тех же фундаментальных положений, что и великие деятели Реформации: спасения единой верой и трактовки Библии, как единственного источника вероучения. Специфичным у Барта было то, что он, стремясь решить проблемы, стоящие перед современным ему богословием, сделал акцент на несоизмеримости Бога и человека. Барт в своих рассуждениях опирался на положение Кьеркегора о бесконечной качественной разнице между временем и вечностью: «Бог на небе, а ты на земле» [1, с. XXXVII].

По своей структуре работа Барта является комментарием на «Послание к Римлянам» апостола Павла, но ее главная тема – критика протестантской либеральной теологии XIX века, основными представителями которой были Фридрих Шлейермахер (1768-1834) и Адольф фон Гарнак (1851-1930). Либеральная теология сформировалась как результат стремления сделать христианство приемлемым для образованных людей XIX века, показать его связь с прогрессивно развивающейся европейской культурой, защитить перед процессом секуляризации. Первая работа Шлейермахера так и называлась: «Речи о религии к образованным людям, ее презирающим» (1799). В основе либеральной теологии лежало абсолютно оправданное стремление говорить на языке, соответствующем реалиям своего времени, вписаться в контекст общественных и культурных процессов. Однако в этом стремлении теологи постепенно стали рассматривать христианство только в контексте его проявления в истории, через призму ценностей Нового времени: гуманизма, свободы прогресса. На задний план отошла вневременная сущность христианского Откровения.

Христианство анализировалось прежде всего как фактор прогрессивного развития европейского общества и утверждения в нем гуманизма, воплощающего в себе, как считалось, нравственные идеалы Иисуса из Назарета. В христианском Откровении видели высшую манифестацию человеческого духа. Либеральные теологи стояли на позициях исторического оптимизма. Они разделяли убежденность мыслителей Нового времени в то, что европейская культура развивается прогрессивно, в ней утверждаются принципы гуманизма и разума, а человек делается все более счастливым и свободным.

В либеральной теологии исходили из предложенного Шлейермахером понимания религии как осознания человеком своей полной зависимости от Бога. Считалось, что человек может достичь божественного, опираясь на свои собственные силы, что божественное присутствует в нем самом. Это означает, что человек познает Бога прежде всего через свой чувственный опыт.

Религия рассматривалась Шлейермахером как одна из областей культуры, существующую наряду с другими его областями, такими как наука, искусство, мораль. Оправданием наличия религии, прежде всего – христианства, в культуре виделось в том, что оно способствует моральному совершенствованию человека. В сущности, в либеральной теологии человек утверждал сам себя. Акцент в ней постепенно сместился с провозглашения Благой Вести на воспитание добропорядочного гражданина.

Следует подчеркнуть, что устремления либеральной теологии целиком соответствовали гуманистическим тенденциям, характерным для Нового времени. Человек здесь рассматривался прежде всего как свободный индивид. В нем видели центр мироздания и высшую ценность общества. Считалось, что в силу своей природы человек должен развиваться, и средством, а также продуктом этого развития являются различные области культуры. Как писал в этой связи Юрген Хабермас: «религиозная жизнь, государство и общество, равно как и наука, мораль и искусство, превращаются в модерне в соответствующие воплощения принципа субъективности» [2, с. 14].

Барт вначале стоял на позициях либеральной теологии. Но потом сделался ее непримиримым и последовательным критиком. Причинами этому были два обстоятельства.

Первое – это поддержка либеральными теологами Первой мировой войны. Карл Барт назовет впоследствии 4 августа 1914 г. «черным днем». В этот день Гарнак вместе с девяносто тремя представителями немецкой интеллектуальной элиты подписал «Манифест интеллектуалов», призывавший к безусловной поддержке милитаристской политики кайзера Вильгельма II. К своему ужасу, среди подписавших этот манифест Барт нашел имена почти всех своих богословских учителей, к которым он до этого относился с огромным уважением. Впоследствии он писал, что именно тогда внезапно осознал, что не может больше следовать ни их этике и догматике, ни их пониманию Библии и истории. Поддержка либеральными богословами войны заставило Барта задуматься о том, что не так во взглядах его учителей. Он пришел к выводу, что богословие 19-го века уже не имеет никакого будущего, и следует искать новый путь.

Другой, не менее важной причиной радикального богословского поворота Барта стал его личный пастырский опыт. В 1911-1921 гг. он служил пастором в швейцарском городке Сафенвиль. Богословские познания, приобретенные им у знаменитых либеральных профессоров, не помогали в его деятельности как священника. Он пришел к выводу, что культурному, либеральному протестантизму нечего было сказать простым людям в их практических духовных нуждах. Регулярное проповедование вынуждало его больше изучать Библию. И там Барт обнаруживает «странный новый мир», вовсе не похожий на то, чему он был обучен в либеральными теологами. Он начинает осознавать Библию не как результат религиозных поисков человека, но как откровение Бога людям. В Библии он находит понимание человека прежде всего как грешника – вместо оптимистической концепции гуманизма, из которой исходили либеральные теологи..

Барт выступал против религии, приспособленной к нуждам идеалистически сконструированной концепции культуры, религии задача которой – обеспечивать эту культуру моральной поддержкой. Прежде всего он настаивал на двух положениях: первое, это то, что познание Бога не должно отталкиваться от религиозности человека: «Религия – это все, что угодно, но не гармония с самим собой или, чего доброго, с бесконечным. Здесь нет места для благородных чувств и великодушной гуманности. Здесь пропасть, здесь ужас» [1, с. 232]. Второе положение – это принципиальная разница между человеком как творцом культуры и человеком в его обращении к Богу: «Было бы сентиментальным либеральным самообманом считать, что от природы и истории, от искусства, морали, науки или даже религии ведут прямые пути к невозможной возможности Бога» [1, с. 320].

Основное тезис на котором настаивал Барт в «Послание к Римлянам» -- это то, что Бог является «совершенно Иным» в отношении всего, с чем человек сталкивается в своей повседневной, общественной и культурной деятельности: «Бог – это не какая-то известная вещь в ряду других вещей» [1, с. 54]. Бог отделён от человека бесконечным качественным отличием. Человек не способен сам по себе познать Бога или принять Божественное откровение. В природе нет ничего подобного Богу. Бог не вовлечён в природу и не зависит от неё. Он непознаваем с помощью разума, Его невозможно понять ни через природу, ни через культуру, ни через историю. Он всегда открывает Себя Себе и другим лишь Сам, а не вследствие человеческих поисков.

Барт с крайним радикализмом отверг все попытки истолковать христианство в духе либерального гуманизма. Библия не может истолковываться на основании ценностей человеческой культуры, напротив, культура должна рассматриваться в свете Откровения Бога.

Следуя традиции, заложенной еще Лютером, свои рассуждения Барт строит на основе положений Библии. Не являясь экзегетом, Барт внес живую струю в библейские исследования, переведя их из области чисто исторической в область диалога между Богом и человеком. В противоположность либеральным теологам, которые стремились истолковать библейские положения путем помещения их в исторический контекст, то есть исходя из герменевтической установки, Барт настаивал на экзистенциальном основании понимания Библии.

Процесс истолкования «Послания к Римлянам» заключается для Барта не в том, чтобы восстановить историческую ситуацию, в которой писал апостол Павел, но в том, чтобы встретиться с теми же реальностями. Это реальность Бога и веры в него. Барт считал, что необходимо сконцентрироваться на предмете рассуждений, «который «здесь» и «там» не *может* быть разным» [1, с. XXXIV] Барт исходил из того очевидного для каждого христианина факта, что христианство – не религия, созданная человеком: «Мы путаем время с вечностью. В этом заключается наша непокорность: сам *Бог* не признается Богом, и то, что мы называем Богом, в действительности – это *человек*» [1, с. 18]. Все это привело, по выражению Барта, к фарисейскому самодовольству либеральной теологии.

Барт считает, что недостатки либеральной теологии имеют не только теоретический характер, но являются следствием принципиально ложной жизненной установки. Он характеризует либеральную теологию словами апостола Павла: «Но как они, познав Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели, и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку» (Рим. 1, 21-23).

Как пишет Барт, в либеральной теологии «теряется понимание специфического в Боге, человек теряет мысль о ледниковой трещине, о полярной области, о зоне опустошения, которую необходимо перейти, если действительно должен быть сделан шаг от бренного к вечному» [1, с. 23].

Эта пропасть преодолевается в акте веры. Здесь Барт исходит из общепротестантского положения, идущего еще от Лютера, о спасении только верой. Но понимание веры взято Бартом у Кьеркегора. Вера для него -- это безумие, она имеет иррациональный характер и не выводится из повседневного опыта либо философских положений. Человек верит вопреки очевидности: «Вера в Иисуса – это величайший риск из всех возможных» [1, с. 71]. Через веру человек становится тем, кем он не есть: «Вера – это ни с чем несравнимый, бозоговорочный, неотменимый шаг через границу от старого к новому человеку, от старого – к новому миру» [1, с.178].

В качестве примера Барт приводит парадоксальную веру героев Достоевского: «наиболее спорные образы Достоевского в глубине своей пучины вспоминают о Господе, который некогда скажет и им, пьяницам, слабовольным, бесстыдным: "Вы свиньи, подобие скота, но придите и вы ко мне!"» [1, с. 273].

Следует отметить, что в полемических целях Барт преувеличивает парадоксальность веры в христианстве. Более того, он слишком большой акцент делает на человеческой установке, на решимости верить. В христианстве вера – это дар Бога. Апостол Павел определяет ее как «осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11, 1).

В своей трактовке человека Барт исходит из учения апостола Павла о поврежденности человеческой природы: «Мы ничего не знаем о человеке, который не был бы грешником» [1, с. 141]. Но этому учению Барт вслед за Лютером придает радикальный характер, отрицая значение усилий человека для спасения: «Не существует человеческой праведности, которая могла бы избавить человека от гнева божьего» [1, с. 29].

Нам необходимо уточнить позицию Барта, чтобы она не была истолкована как антигуманистическая. В наиболее широком смысле гуманизм определяется как «исторически изменяющаяся система воззрений, признающая ценность человека как личности, его право на свободу, счастье, развитие и проявление своих способностей, считающая благо человека критерием оценки социальных институтов, а принципы равенства, справедливости, человечности желаемой нормой отношений между людьми» [3, с. 130]. Однако гуманизм не предполагает обязательного провозглашения самодостаточности человека и, на этой основе, отрицания надчеловеческих ценностей. Трактовка человека в том или ином учении является частью более широкой системы понимания мира в целом. Как отмечал Хайдеггер: «Если же люди понимают под гуманизмом вообще озабоченность тем, чтобы человек освободился для собственной человечности и обрел в ней свое достоинство, то, смотря по трактовке “свободы” и “природы” человека, гуманизм окажется разным» [4, с.196]. То определение гуманизма, которое дано выше, целиком согласуется с христианским его пониманием. Согласно христианству, человек – вершина

творения, и именно для его спасения Иисус Христос взошел на крест. Как пишет апостол Павел: «что значит человек, что Ты помнишь его? или сын человеческий, что Ты посещаешь его? Не много Ты унижил его пред Ангелами; славою и честью увенчал его, и поставил его над делами рук Твоих, все покорил под ноги его» (Евр. 2, 6-8). Только человек создан по образу и подобию Бога и по своей ценности он превосходит любые надличностные образования: государство, народ, политические классы и т.д. Все они по отношению к человеку имеют служебный характер и призваны способствовать его благу.

Следует повторить, что «Послание к Римлянам» Барта имело полемическую характер и было направлено прежде всего на критику либеральной теологии. Поэтому многие положения этой работы имели преувеличенный и односторонний характер. Сам Барт писал впоследствии: «Если бы сегодня передо мной снова стояла задача написания этой книги, если бы было необходимо сказать то же самое, я бы сказал это абсолютно иначе» [1, с. Li].

Но его тезис о том, что христианство не выводится из религиозности человека, был совершенно правильным. Барт отрицал идеологическую тотальность XIX века, когда человек замыкается в себе и рассматривает весь мир как проявление своих установок. Утрата человеком объекта привела к его дезориентации, разрушению иерархии ценностей, только опираясь на которые человек может осуществить себя. В противовес этому Барт говорит о реальности Бога как «абсолютно Иного».

Следует подчеркнуть, что Барт – теолог именно XX века, и для него вера мыслителей XIX века в исторический прогресс, гуманизм, моральность и рациональную природу человека была ничем иным, как вредной иллюзией. То время, в которое он жил дало страшный опыт антигуманности и иррационализма, которые проявились именно в Европе с ее древней культурной традицией. Однако в случае Барта это не привело к растерянности. В это время перед многими встал вопрос, опираясь на какие основания можно противостоять антигуманным тенденциям, господствующим в Германии 30-х годов XX века. Для Барта такими основаниями послужили изложенные в Библии положения христианского вероучения.

Барт имел личный опыт противостояния фашизму. Приход Гитлера к власти и первоначальная поддержка его в Германии была во многом обусловлена тем, что в нем увидели политического вождя, способного вывести страну из состояния глубокого кризиса. В начале 30-х годов в среде протестантов Германии возникли так называемые «немецкие христиане», которые пытались соединить христианство с идеями национал-социализма, а Гитлера трактовать как спасителя нации и пророка «немецкого духа». Именно они стали руководить лютеранской церковью в Германии.

Для Барта это было не что иное, как еще одна попытка подмены Божьего человеческим. В ответ на действия «немецких христиан» часть протестантских пасторов образовали так называемую «Исповедническую церковь», которая заявила о несовместимости идей национал-социализма и христианства. В 1934 году ими была принята так называемая «Барменская декларация», главным автором и вдохновителем которой был Барт. В ней заявлялось: «Иисус Христос, как он засвидетельствован нам в Священном Писании, есть единое слово Бога, которое мы должны слушать, которому мы должны доверять и покоряться в жизни и в смерти. Мы отвергаем ложное учение о том, что Церковь якобы может и должна признавать в качестве источника своего провозвестия помимо этого единого Слова Бога и рядом с ним еще и другие события и силы, образы и истины как откровения Бога... Мы отвергаем ложное учение о том, что Церковь в человеческом самовозвеличивании якобы может ставить слово и дело Господа на службу каким-либо самовольно выбранным желаниям, целям и планам» [5, с. 232–233].

Таким образом, теологические взгляды Барта явились основанием для его противостояния одному из самых антигуманных политических режимов XX века. Используя разделяемое Бартом протестантское учение о принципиальной поврежденности природы человека в результате грехопадения и его неспособности оправдаться перед Богом никакими поступками, скажем, что «Барменская декларация» – не заслуга Барта, как человека, но следствие его опоры на Откровение Бога. Однако, по крайней мере, мы можем рассматривать его поведение в годы нацизма как пример христианской позиции, которая актуальна в настоящее время и для нас.

Литература

- 1 Барт К. Послание к Римлянам /К. Барт. – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2005. – 560 с.
- 2 Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне /Ю. Хабермас. — М.: Весь Мир, 2003. – 416 с.
- 3 Философский энциклопедический словарь /глав. науч. ред. Л.Ф. Ильичев [и др.]. – М.: Советская энциклопедия. – 840 с.
- 4 Хайдеггер М. Время и бытие /М. Хайдеггер. – М. Республика, 1993. – 447 с.
- 5 Барт К. Барменская декларация /К. Барт //Путь. – 1992. -- № 1. – С. 231-233.

УДК

Н. В. Сулова

Сете-, но не -тура

В статье определяются важнейшие составляющие мировоззрения, лежащего в основе сетературы как явления, выявляется ряд дифференциальных признаков сетевого искусства, предлагаются подходы к выработке научного описания понятия WebArt. Особое внимание уделяется проблеме некорректности применения традиционных критериев литературоведения и искусствоведения при оценке фактов сетевого искусства.

Давненько не брала я в руки шашек – как-то в последнее время все чаще шашку. Однако гуманистический по своему духу потенциал проекта «Христианский гуманизм и его традиции в славянской культуре» заряжает меня стремлением совершать акты гуманитарного характера. Дело в том, что с каждым годом на страницах сборников научных статей, материалов конференций появляется все больше работ, посвященных проблемам сетературы. Как правило, авторами подобных исследований выступают молодые ученые, которые в силу благоприобретенной привычки стремятся обрести некую твердую основу, далее используемую ими в качестве трамплина для прыжка в неизведанное. Не очень понимаю, зачем им трамплин – наслаждайтесь ощущением невесомости, медвежата! – но «привычка свыше нам дана»: историография вопроса – это святое. Какая-никакая историография проблем, связанных с сетературой, конечно, существует, но, к счастью, она еще не успела окаменеть и в процессе окаменения иерархизироваться, поэтому трамплин не имеет нужной степени устойчивости – «ходит» под ногами. Я полагаю, что именно этот факт подталкивает многих исследователей сетературы к обращению к методике поиска аналогий. Нет нужды говорить, что аналогии разыскиваются и с радостью отыскиваются в сфере литературоведения. Не удивительно: тот, кто профессионально ищет черную кошку в темной комнате, всегда ее там найдет, в особенности, если несчастного животного там нет. На мой взгляд, исследование сетературы по законам литературоведения не является оптимальным вариантом, более того, подобный подход зачастую приводит к смещению важных акцентов, а, порой, и к грубой подмене понятий, влекущей за собой искажение сути рассматриваемого явления. В предлагаемой статье я обозначаю ряд подобных ситуаций.

В первую очередь обратимся к обозначению понятия «сетература». Сразу отмечу, что терминологический статус этого явления представляется мне несколько сомнительным уже в плане выражения. Здесь явно сработал вышеупомянутый принцип аналогии. В результате смысловая «прозрачность» термина (сетература – сетевая литература – литература, которая расположена на сетевых ресурсах) позволила, с одной стороны, неоправданно расширить границы обозначаемого им явления, включив в них всю(!) литературу, представленную в сети, с другой – укрепила уверенность исследователей в том, что они имеют дело все с той же литературой, только в ином формате. Справедливости ради стоит сказать, что в последние годы большинство здравомыслящих субъектов, имеющих непосредственное отношение к